

**ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ,
ИЛИ
ОТЕЛЬ «У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА»**

Еще одна отходная детективному жанру

«Как сообщают, в округе Винги, близ города Мюр, опустился летательный аппарат, из которого вышли желто-зеленые человечки о трех ногах и восьми глазах каждый. Падкая на сенсации бульварная пресса поспешила объявить их пришельцами из космоса...»

(Из газет.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я остановил машину, вылез и снял черные очки. Все было именно так, как рассказывал Згут. Отель был двухэтажный, желтый с зеленым, над крыльцом красовалась траурная вывеска: «У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА». Высокие ноздреватые сугробы по сторонам крыльца были утыканы разноцветными лыжами – я насчитал семь штук, одна была с ботинком. С крыши свисали мутные гофрированные сосульки толщиной в руку. В крайнее правое окно первого этажа выглянуло чье-то бледное лицо, и тут парадная дверь отворилась, и на крыльце появился лысый коренастый человек в рыжем меховом жилете поверх ослепительной нейлоновой рубашки. Тяжелой медлительной поступью он приблизился и остановился передо мною. У него была грубая красная физиономия и шея борца-тяжеловеса. На меня он не смотрел. Его меланхолический взгляд был устремлен куда-то в сторону и исполнен печального достоинства. Несомненно, это был сам Алек Сневар, владелец отеля, долины и Бутылочного Горлышка.

– Там... – произнес он неестественно низким и глухим голосом. – Вон там это произошло. – Он простер указующую руку. В руке был штопор. – На той вершине...

Я повернулся и, прищурившись, поглядел на сизую, жуткого вида отвесную стену, ограждавшую долину с запада, на бледные языки снега, на иззубренный гребень, четкий, словно нарисованный на сочно-синей поверхности неба.

– Лопнул карабин, – все тем же глухим голосом продолжал владелец. – Двести метров он летел по вертикали вниз, к смерти, и ему не за что было зацепиться на гладком камне. Может быть, он кричал. Никто не слышал его. Может быть, он молился. Его слышал только Бог. Потом он достиг склона, и мы здесь услышали лавину, рев разбуженного зверя, жадный голодный рев, и земля дрогнула, когда он грянулся о нее вместе с сорока двумя тысячами тонн кристаллического снега...

– Чего ради его туда понесло? – спросил я, разглядывая зловещую стену.

– Позвольте мне погрузиться в прошлое, – проговорил владелец, склонил голову и приложил кулак со штопором к лысому лбу.

Все было совершенно так, как рассказывал Згут. Только вот собаки нигде не было видно, но я заметил множество ее визитных карточек на снегу возле крыльца и вокруг лыж. Я полез в машину и достал корзину с бутылками.

– Привет от инспектора Згута, – сказал я, и владелец тут же вынырнул из прошлого.

– Вот достойный человек! – сказал он с живостью и весьма обыкновенным голосом. – Как он поживает?

– Неплохо, – ответил я, вручая ему корзину.

– Я вижу, он не забыл вечера, которые провел у моего камина.

– Он только о них и говорит, – сказал я и снова повернулся было к машине, но хозяин схватил меня за руку.

– Ни шагу назад! – строго произнес он. – Этим займется Кайса. Кайса! – трубно взревел он.

На крыльцо выскочила собака – великолепный сенбернар, белый с желтыми пятнами, могучее животное ростом с теленка. Как я уже знал, это было все, что осталось от Погибшего Альпиниста, если не считать некоторых мелочей, экспонированных в номере-музее. Я был не прочь посмотреть, как этот кобель с женским именем станет разгружать мой багаж, но хозяин твердой рукой уже направлял меня в дом.

Мы прошли через сумрачный холл, где ощущался теплый запах погасшего камина и тускло отсвечивали лаком модные низкие столики, свернули в коридор налево, и хозяин плечом толкнул дверь с табличкой «Контора». Я был усажен в уютное кресло, позвякивающая и булькающая корзинка водворилась в углу, и хозяин распахнул на столе громоздкий гроссбух.

– Прежде всего разрешите представиться, – сказал он, сосредоточенно обскабливая ногтями кончик пера. – Алек Сневар, владелец отеля и механик. Вы, конечно, заметили ветряки на выезде из Бутылочного Горлышка?

– Ах, это были ветряки?..

– Да. Ветряные двигатели. Я сам сконструировал их и сам построил. Вот этими руками.

– Что вы говорите... – пробормотал я.

– Да. Сам. И еще многое.

– А куда нести? – спросил у меня за спиной пронзительный женский голос.

Я обернулся. В дверях, с моим чемоданом в руке, стояла такая кубышечка, пышечка такая лет двадцати пяти, с румянцем во всю щеку, с широко расставленными и широко раскрытыми голубыми глазками.

– Это Кайса, – сообщил мне хозяин. – Кайса! Этот господин привез нам привет от господина Згута. Ты помнишь господина Згута, Кайса? Ты должна его помнить.

Кайса немедленно залилась краской и, поведя плечами, закрылась ладонью.

– Помнит, – объяснил мне хозяин. – Запомнила... Н-ну-с... Так я помещу вас в номер четыре. Это лучший номер в отеле. Кайса, отнеси чемодан господина... м-м...

– Глебски, – сказал я.

– Отнеси чемодан господина Глебски в четвертый номер... Поразительная дура, – сообщил он с какой-то даже гордостью, когда кубышечка скрылась. – В своем роде феномен... Итак, господин Глебски? – Он выжидательно взглянул на меня.

– Петер Глебски, – продиктовал я. – Инспектор полиции. В отпуске. На две недели. Один.

Хозяин прилежно записывал все эти сведения огромными корявыми буквами, а пока он писал, в контору, цокая когтями по линолеуму, вошел сенбернар. Он поглядел на меня, подмигнул и вдруг с грохотом, словно обрушилась вязанка дров, пал около сейфа, уронив морду на лапу.

– Это Лель, – сказал хозяин, завинчивая колпачок авторучки. – Сапиенс. Все понимает на трех европейских языках. Блох нет, но линяет.

Лель вздохнул и переложил морду на другую лапу.

– Пойдемте, – сказал хозяин, вставая. – Я провожу вас в номер.

Мы снова пересекли холл и стали подниматься по лестнице.

– Обедаем мы в шесть, – рассказывал хозяин. – Но перекусить можно в любое время, а равно и выпить чего-нибудь освежающего. В десять вечера – легкий ужин. Танцы, бильярд, картишки, собеседования у камина.

Мы вышли в коридор второго этажа и повернули налево. У первой же двери хозяин остановился.

– Здесь, – произнес он прежним глухим голосом. – Прошу.

Он распахнул передо мною дверь, и я вошел.

– С того самого незабываемого страшного дня... – начал он и вдруг замолчал.

Номер был неплохой, хотя и несколько мрачноватый. Шторы были приспущены, на кровати почему-то лежал альпеншток. Пахло свежим табачным дымом. На спинке кресла посередине комнаты висела чья-то брезентовая куртка, на полу рядом с креслом валялась газета.

– Гм... – сказал я озадаченно. – По-моему, здесь уже кто-то живет.

Хозяин безмолвствовал. Взгляд его был устремлен на стол. На столе ничего особенного не было, только большая бронзовая пепельница, в которой лежала трубка с прямым мундштуком. Кажется, «данхилл». Из трубки поднимался дымок.

– Живет... – произнес наконец хозяин. – Живет ли?.. Впрочем, почему бы и нет?

Я не нашелся, что ответить ему, и ждал продолжения. Чемодана моего нигде не было видно, но зато в углу стоял клетчатый саквояж с многочисленными гостиничными ярлыками. Не мой саквояж.

– Здесь, – окрепшим голосом продолжал хозяин, – вот уже шесть лет, с того самого незабываемого страшного дня, все пребывает так, как он оставил перед своим последним восхождением...

Я с сомнением посмотрел на курящуюся трубку.

– Да! – сказал хозяин с вызовом. – Это ЕГО трубка. Это вот – ЕГО куртка. А вот это – ЕГО альпеншток. «Возьмите с собой альпеншток», – сказал я ему в то утро. Он только улыбнулся и покачал головой. «Но не хотите же вы остаться там навсегда!» – воскликнул я, холодея от страшного предчувствия. «Пуркуа па?» – отвечивал он мне по-французски. Мне до сих пор не удалось выяснить, что это означало...

– Это означало «почему бы и нет?», – заметил я.

Хозяин горестно покивал.

– Я так и думал... А вот это – ЕГО саквояж. Я не разрешил полиции копаться в его вещах...

– А вот это – ЕГО газета, – сказал я. Я отчетливо видел, что это позавчерашний «Мюрский Вестник».

– Нет, – сказал хозяин. – Газета, конечно, не его.

– У меня тоже такое впечатление, – согласился я.

– Газета, конечно, не его, – повторил хозяин. – И трубку, естественно, раскурил здесь не он, а кто-то другой.

Я пробормотал что-то о недостатке уважения к памяти усопших.

– Нет, – задумчиво возразил хозяин, – здесь все сложнее. Здесь все гораздо сложнее, господин Глебски. Но мы поговорим об этом позже. Пойдемте в ваш номер.

Однако, прежде чем мы вышли, он заглянул в туалетную комнату, открыл и снова закрыл дверцы стенового шкафа и, подойдя к окну, похлопал ладонями по портьерам. По-моему, ему очень хотелось заглянуть также и под кровать, но он сдержался. Мы вышли в коридор.

– Инспектор Згут как-то рассказывал мне, – произнес хозяин после короткого молчания, – что его специальность – так называемые медвежатники. А у вас какая специальность, если это, конечно, не секрет?

Он распахнул передо мною дверь четвертого номера.

– У меня скучная специальность, – ответил я. – Должностные преступления, растраты, подлоги, подделка государственных бумаг...

Номер мне сразу понравился. Все здесь сияло чистотой, воздух был свеж, на столе – ни пылинки, за промытым окном – снежная равнина и сиреневые горы.

– Жаль, – сказал хозяин.

– Почему? – спросил я рассеянно и заглянул в спальню. Здесь еще хозяйничала Кайса. Чемодан мой был раскрыт, вещи аккуратно разложены и развешены, а Кайса взбивала подушки.

– А впрочем, и не жаль несколько, – заявил хозяин. – Вам не приходилось, господин Глебски, замечать, насколько неизвестное интереснее познанного? Неизвестное будоражит мысль, заставляет кровь быстрее бежать по жилам, рождает удивительные фантазии, обещает, манит. Неизвестное подобно мерцающему огоньку в черной бездне ночи. Но, ставши познанным, оно становится плоским, серым и неразлично сливается с серым фоном будней.

– Вы поэт, господин Сневар, – заметил я еще рассеянное. Я смотрел на Кайсу и понимал Згута. Пышечка-кубышечка, взбивающая подушечки, выглядела необычайно заманчиво. Было в ней что-то неизвестное, что-то еще не познанное...

– А как же, – сказал хозяин. – Ну вот вы и дома. Располагайтесь, отдыхайте, делайте что хотите. Лыжи, мази, снаряжение – все к вашим услугам внизу, обращайтесь при необходимости прямо ко мне. Обед в шесть, а если вздумаете перекусить прямо сейчас или освежиться – я имею в виду напитки, – обращайтесь к Кайсе. Приветствую вас.

И он ушел.

Кайса все трудилась над постелью, доводя ее до невысказанного совершенства, а я достал сигарету, закурил и подошел к окну. Я был один. Благословенное небо, всеблагий Господи, наконец-то я был один! Я знаю – нехорошо так говорить и даже думать, но до чего же в наше время сложно устроиться таким образом, чтобы хоть на неделю, хоть на сутки, хоть на несколько часов остаться в одиночестве! Нет, я люблю своих детей, я люблю свою жену, у меня нет никаких злых чувств к моим родственникам, и большинство моих друзей и знакомых вполне тактичные и приятные в общении люди. Но когда изо дня в день, из часа в час они непрерывно толкуются возле меня, сменяя друг друга, и нет никакой, ни малейшей возможности прекратить эту толчею, отделить себя от всех, запереться, отключиться... Сам я этого не читал, но вот сын мой утверждает, будто главный бич человека в современном мире – это одиночество и отчужденность. Не знаю, не уверен. Либо все это поэтические выдумки, либо такой уж я невезучий человек. Во всяком случае, для меня две недельки отчужденности и одиночества – это как раз то, что нужно. И чтобы не было ничего такого, что я обязан делать, а было бы только то, что мне хочется делать. Сигарета, которую я закурю, потому что мне хочется, а не потому, что мне суют под нос пачку. И которую я не закурю, если мне не хочется, именно потому, что мне не хочется, а вовсе не потому, что мадам Зельц не выносит табачного дыма... Рюмка бренди у горящего камина – именно в тот момент, не раньше и не позже, когда мне придет в голову, что выпить рюмку бренди у горящего камина – это хорошо. Это действительно будет неплохо.

Вообще мне здесь, кажется, будет неплохо. И это просто прекрасно, что мне хорошо с самим собой, с моим собственным телом, еще сравнительно нестарым, еще крепким, которое можно будет поставить на лыжи и бросить вон туда, через всю равнину, к сиреневым отрогам, по свистящему снегу, и вот тогда станет совсем уж превосходно...

– Принести что-нибудь? – спросила Кайса. – Угодно?

Я посмотрел на нее, и она опять повела плечом и закрылась ладонью. Была она в пестром платье в обтяжку, которое топорщилось на ней спереди и сзади, в крошечном кружевном фартуке, руки у нее были голые, сдобные, и голую сдобную шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин. Носки она держала несколько внутрь и не была похожа ни на одну из моих знакомых, и это тоже было хорошо.

– Кто у вас тут сейчас живет? – спросил я.

– Где?

– У вас. В отеле.

– В отеле? У нас тут? Да живут здесь...

– Кто именно?

– Ну – кто? Господин Мозес живут с женой. В первом и втором. И в третьем тоже. Только там они не живут. А может, с дочерью. Не разобрать. Красавица, всё глазами смотрит...

– Так-так, – сказал я, чтобы ее подбодрить.

– Господин Симонэ живут. Тут вот, напротив. Ученые. Все на бильярде играют и по стенам ползают. Шалуны они, только унылые. На психической почве. – Она снова покраснелась и принялась поводить плечами.

– А еще кто? – спросил я.

– Господин дю Барнстокр, гипнотизеры из цирка...

– Барнстокр? Тот самый?

– Не знаю, может, и тот. Гипнотизеры... и Брюн...

– Кто это – Брюн?

– Да с мотоциклом они, в штанах. Тоже шалуны, хоть и молоденькие совсем.

– Так, – сказал я. – Все?

– Еще кто-то живет. Недавно вроде бы приехали. Только они просто так... Стоят просто. Не спят, не едят, только на постое стоят...

– Не понимаю, – признался я.

– А и никто не понимает. Стоят, и все. Газеты читают. Давеча туфли у господина дю Барнстокра утащили. Ищем, ищем везде – нет туфель. А они их в музей занесли, да там и оставили. И еще следы оставляют...

– Какие? – Очень мне хотелось ее понять.

– Мокрые. Так по всему коридору и идут. А еще манеру взяли мне звонить. То из одного номера, то из другого. Приду, а там никого нет.

– Ну ладно, – сказал я со вздохом. – Не понять мне тебя, Кайса. И не надо. Пойду-ка я лучше в душ.

Я раздавил окурок в девственно-чистой пепельнице и отправился в спальню за бельем. Там я до дна разгрузил чемодан, сложил на столике в изголовье стопку книг, подумав мельком, что зря я их, пожалуй, сюда тащил, сбросил ботинки, сунул ноги в шлепанцы и, захватив купальное полотенце, отправился в душ. Кайса уже ушла, пепельница на столе снова сияла девственной чистотой. В коридоре было пустынно, откуда-то доносилось постукивание бильярдных шаров – должно быть, развлекался унылый шалун на психической почве. Как его... Симонэ, кажется.

Дверь в душевую я обнаружил на лестничной площадке, и дверь эта оказалась заперта. Некоторое время я стоял в нерешительности, осторожно крутя пластмассовую ручку. Кто-то неторопливо, грузным шагом прошел по коридору. Можно, конечно, спуститься в душевую на первом этаже, подумал я. А можно и не спускаться. Можно сначала пробежаться на лыжах. Я рассеянно уставился на деревянную лестницу, ведущую, видимо, на крышу. Или, например, подняться на крышу и полюбоваться видом. Говорят, здесь неопишимо хороши восходы и закаты. А все-таки свинство, что душ заперт. Или там кто-то засел? Да нет, тихо... Я еще раз подергал ручку. А, ладно. Бог с ним, с душем. Успеется. Я повернулся и пошел к себе.

Что-то изменилось в моем номере, я почувствовал это сразу. Через секунду я понял: пахло трубочным табаком, совсем как в номере-музее. Я немедленно взглянул на пепельницу. Курящейся трубки там не было – была горка пепла вперемешку с табачными крошками. На постое стоят, вспомнилось мне. Не пьют, не едят, только следы оставляют...

И тут рядом кто-то протяжно и громко зевнул. Из спальни, стуча когтями, лениво вышел сенбернар Лель, с ухмылкой посмотрел на меня и потянулся.

– Ах, так это ты здесь курил? – сказал я.

Лель подмигнул и помотал головой. Словно муху отгонял.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66